

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА КНОРОЗОВА,

ах-бобат, ах-мийац, этаиль

(пророка, мудреца, друга)

Содержание

Предисловие	9
Пролог	12
Глава 1. Видимое слово	17
Глава 2. Владыки леса	63
Глава 3. Открытие цивилизации в джунглях	98
Глава 4. Предшественники: заря дешифровки	122
Глава 5. Эра Томпсона	153
Глава 6. Новый ветер с Востока	182
Глава 7. Эра Проскуряковой: майя появляются в истории	213
Глава 8. Люди Пакаля	236
Глава 9. Вниз в Шибальбу	268
Глава 10. Новая заря	285
Глава 11. Взгляд назад и видение будущего	320
Вместо заключения	341
Приложение А. «Предполагаемый порядок обсуждения» Татьяны Проскуряковой	342
Приложение Б. Силлабарий Майя	345
Послесловие. Майкл Ко и его книга	350
Примечания	381
Глоссарий	388
Источники иллюстраций	391
Литература для дополнительного чтения и библиография	394
Библиография к русскому изданию	407
Указатель имен, терминов, географических и этнических названий	409

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Американского континента начинается не с Христофора Колумба и даже не с Лейфа Счастливого, а с тех писцов майя из джунглей Центральной Америки, которые первыми стали записывать деяния своих правителей около двух тысяч лет назад. Из всех народов доколумбова Нового Света только майя имели полноценную письменность и могли делать записи на своем собственном языке.

Однако в XIX веке, после открытия руин городов майя, ни одна из этих записей не была прочитана западными учеными. За исключением календаря майя, который расшифрован уже более 120 лет, даже в 1950-е годы XX века, когда я был студентом Гарварда, ситуация не изменилась к лучшему. И лишь сегодня, благодаря впечатляющим достижениям эпиграфистов по обе стороны Атлантики, мы можем прочесть большую часть того, что высечено на каменных монументах или написано на керамических вазах.

Полагаю, наряду с исследованием космоса и открытием генетического кода, дешифровка письменности майя — одно из наиболее волнующих событий нашей эпохи. Это и есть история, которую я хотел бы поведать, — я имел счастье быть лично знаком со многими ее участниками. Как вскоре станет ясно и читателю, в процесс дешифровки были вовлечены люди из плоти и крови с яркими характерами, которые решали не одни лишь теоретические и научные вопросы.

При желании в моем повествовании можно найти героев и негодяев, но позвольте вас уверить, что на этих страницах нет «плохих парней», разве только слишком уверенные в себе исследователи. Увлечшись ложными допущениями, они выбирали порой не тот поворот и тем самым губили свою репутацию в глазах следующих поколений. А уж если вам очень хочется найти негодяя, вспомните, что даже у Джона Мильтона падший ангел, сам Сатана, имел героические черты.

В работе над этой книгой мне помогали многие, однако должен подчеркнуть, что все факты и интерпретации, плохи они или хороши, мои собственные. Но особая благодарность — Джорджу Стюарту, рукопись которого об истории дешифровки, опубликованная в 1992 году одновременно с первым изданием и моей книги, привела меня к новым идеям. Я признателен за помощь Линде Шили и Флойду Лаунсбери, к моему искреннему сожалению скончавшимся в 1998 году, а также Элизабет Бенсон, Дэвиду Стюарту и Дэвиду Келли за их терпение и снисхождение во время долгих записей интервью, часто по междугородному телефону. Именно Линда со свойственной ей безмерной щедростью предоставила мне копии переписки, которая велась между «младотурками», описанными в десятой главе.

Я глубоко обязан Ю. В. Кнорозову и его коллегам из Российской Академии наук за их гостеприимство во время нашего с женой визита в Санкт-Петербург (тогда Ленинград) в 1989 году, и особенно Галине Ершовой, ныне директору Мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета.

Первые главы этой книги были написаны в неоклассической роскоши Британской школы в Риме, когда я был в трехгодичном отпуске, предоставленном мне Йельским университетом. И большое спасибо ее директору профессору Ричарду Ходжесу и библиотекарю Валери Скотт, благодаря которым за время этого пребывания я получил неоценимый опыт. А за ценные редакторские замечания хотел бы выразить признательность Джеймсу Мэллори, Эндрю Робинсону и сотрудникам издательства «Thames and Hudson».

Начиная с 1992 года, когда было опубликовано первое издание моей книги, и до последнего ее обновления в 1999 году поток новых эпиграфических данных хлынул в майянистику, как вешние воды, захлестнувшие плотину. Я обязан множеству людей, которые помогли мне быть в курсе последних открытий в области письменности и иконографии майя, особенно Дэвиду Стюарту, Стивену Хаустону, Карлу Таубе, Питеру Мэтьюзу, Саймону Мартину, Марку Зендеру, Освальдо Чинчилье Масарьегосу и моему коллеге Марку Ван Стоуну.

В настоящем издании орфография, используемая для записи слов майя, следует нормам, установленным Академией язы-

ков майя Гватемалы, кроме названий археологических памятников: они так давно вошли в профессиональную и туристическую литературу, что изменять их, не введя читателя в заблуждение, не имеет смысла. В соответствии с этой орфографией, гласные и бóльшая часть согласных звучат так, как в испанском, за следующими исключениями:

— согласный *w* читается как английский *w*;

— *x* звучит как английский *sh* и русский *ш* в соответствии с произношением в Испании XVI века;

— языки майя различают глоттализированные и неглоттализированные согласные; первые произносятся сильнее, с суженной гортанью, и в данной орфографии такие согласные записываются с апострофом;

— гортанная смычка (') — это тоже согласный, который звучит похоже на то, как англичане-кокни произносят *tt* в слове *little*, а русские — название буквы *ы*;

— в классическом майя (язык иероглифических надписей) было два глухих придыхательных звука. Один записывается как *h* и очень похож на английский *h*, а другой — как *j*, горловой согласный, напоминающий *ch* в немецком *Vach* или русское *х*;

— ударение в словах майя всегда приходится на последний слог.

Нью Хэйвен, Коннектикут

Январь 2011

ПРОЛОГ

Прошло 12 циклов, 18 *катунов*, 16 *тунов*, 0 *виналей* и 16 *кинов* с начала Великого Цикла. Это был день 12 Киб 14 Уо, и им правил седьмой Владыка Ночи. Луна была девяти дней от роду. Прошло в точности 5101 год и 235 дней с сотворения этого мира, и только 23 года и 22 дня оставалось до финальной катастрофы, которая его разрушит. Так считали бы древние майя. А день был 14 мая 1989 года, и мы были в Ленинграде.

«Гостиный двор!»

Бестелесный голос объявил станцию метро, двери вагона открылись, и я и моя жена были подхвачены волной утренних пассажиров, поднимающихся по эскалатору к яркому рассвету на Невском проспекте — главной артерии царского Петербурга и послереволюционного Ленинграда. Мы пересекли мосты через канал Грибоедова и Мойку, — Пётр Великий построил свою столицу по образцу любимого Амстердама, — повернули направо, прошли сквозь арку гигантского здания Генштаба и вышли на Дворцовую площадь. За гранитной колонной, воздвигнутой в честь победы Александра I над Наполеоном, простирается необъятный зелено-белый барочный фасад Зимнего дворца, один вид которого сразу же вызывает воспоминания об ужасных событиях революции 1917 года. Слева, горя золотом в рассветных лучах солнца, вздымается шпиль Адмиралтейства, воспетый Пушкиным.

Мы идем мимо Зимнего и Адмиралтейства с его классицистической красотой и останавливаемся на набережной. Бурные воды Невы текут на юго-запад, в сторону Балтийского моря. Ленинград (ныне Санкт-Петербург) остался одним из немногих великих европейских городов, которые сохранили горизонт, не изуродованный отвратительными небоскребами и стеклянными коробками, что разрушили красоту таких столиц, как Лондон и Париж. Куда

бы мы ни взглянули — везде те же здания, которые легко узнал бы и Пушкин. Прямо напротив лежит Васильевский остров, со зданием старой (еще капиталистической) Биржи и кирпично-красными ростральными колоннами. На набережной Большой Невы этого острова Пётр выстроил свой великий университет: именно здесь русская наука цвела во всей своей славе.

На правом берегу реки великий царь-реформатор основал Кунсткамеру, чтобы разместить зловещую коллекцию уродов, редкостей и других отклонений из мира природы. Это сине-зеленое барочное здание с белой отделкой и многоярусной башней с куполом — подлинная фантазия начала XVIII века, спроектированная итальянскими архитекторами. Царские раритеты выставляются до сих пор, однако главное назначение Кунсткамеры сегодня — служить домом Институту этнографии Академии наук. Это и было место, куда мы направлялись, поскольку я был приглашенным исследователем из Национальной академии наук США.

После короткой прогулки через Дворцовый мост, стараясь не попасть под трамвай, мы подошли к главному входу. Кунсткамера имеет три этажа, и на каждом — выставочные залы, содержащие потрясающие этнографические коллекции со всего мира. Но нас влекут кабинеты на первом этаже, так как в одном из них работает наш главный хозяин и друг, доктор наук Юрий Валентинович Кнорозов — человек, который, несмотря на все препятствия, сделал возможной дешифровку иероглифической письменности майя.

Юрий Валентинович вместе с четырьмя коллегами был сотрудником сектора Америки (Нового Света) института, и все пятеро размещались в ужасающе тесной комнатке в конце коридора. Приватность, как и везде, минимальная. Внутри — полный хаос из столов, книг и бумаг вперемешку с принадлежностями для приготовления бесконечных чаёв, что составляет важнейшую часть русской жизни и общения. Когда двадцать лет назад, во время частного визита, мы впервые вошли в это святилище, стоял январь, и в тусклом зимнем свете, падающем из двух высоких окон, едва можно было разглядеть замерзшую Неву — настолько запотели стекла от постоянно кипевшего самовара.

За десятилетия, что Кнорозов занимал этот настоящий крольчатник этнологов, лингвистов и лаборантов, он обустроил для

себя весьма уютный уголок около окна слева. Здесь мы собирались каждый день вместе с его ученицами Галиной Ершовой (или Галей) и Анной Александровной Бородатовой и вели бесконечные разговоры об иероглифах мая и куче прочих тем.

Позвольте описать Юрия Кнорозова, который даже среди своих соотечественников слыл большим оригиналом. Это был невысокий, худой, аккуратный человек за шестьдесят. Самой необычной чертой его лица были невероятные темно-сапфировые глаза, прятавшиеся под нависшими бровями. Будь я физиономистом из XIX века, я сказал бы, что они выражают всепроникающий разум. Седые волосы зачесаны назад, хотя, когда мы встретились впервые, в 1969 году, они были разделены на прямой пробор и гораздо темнее. Несмотря на внешне хмурое лицо, Юрий Валентинович имел потрясающее, зачастую даже игривое чувство юмора — и тогда мимолетная улыбка появлялась на его лице, словно солнечный луч из-за темных туч. Как многие русские, Кнорозов был заядлым курильщиком, и пальцы его были крепко пропитаны никотином. Эту привычку он разделял с другой великой русской (по происхождению) — американской исследовательницей, пионером дешифровки письма мая Татьяной Проскуряковой. Но, в отличие от многих поклонников табака в моей стране, Кнорозов был очень тактичен и каждый раз выходил за дверь, чтобы предаться своему любимому пороку.

Юрий Валентинович, всегда консервативно одетый в коричневый двубортный костюм, белую рубашку и темный галстук, с медалями на пиджаке (одну он оставлял дома, поскольку на ней был изображен Сталин — не самая популярная фигура в современной России), вообще был впечатляющей личностью, особенно для иностранцев. Тем, кто знал Кнорозова только по его работам, было невдомек, что он обладал энциклопедическими знаниями в совершенно разных областях, прежде всего по истории и архитектуре Санкт-Петербурга. По мнению нашего друга, все в этом городе создано трудами Петра Великого и его коррумпированного фаворита Меншикова, чей роскошный дворец и по сей день возвышается на Университетской набережной ниже по течению. Однажды, когда мы, как обычно, пили чай и ели печенье из одного из бесчисленных тайников, которые Кнорозов хранил в закоулках кабинета, разговор зашел о капитане Вильяме Блае и его

удивительном путешествии после знаменитого мятежа¹. Кнорозов оказался экспертом и в этом вопросе! Но с врождённым благородством он никогда не кичился своими знаниями ни в общении, ни в переписке.

Что действительно потрясает, так это то, что до горбачевской перестройки 1980-х годов этот человек никогда не видел ни одного города древних майя, не стоял на площадях и дворах Копана, Тикаля, Паленке или Чичен-Ицы, ни разу не прикасался ни к одной подлинной надписи майя. Только однажды он был за пределами собственной страны, летом 1956 года, когда ему позволили принять участие в конгрессе американистов в Копенгагене. И это при том, что в истории дешифровки письменности майя Кнорозов стоит наравне с Жаном-Франсуа Шампольоном, «взломавшим» египетскую письменность в начале XIX века! И надо было видеть условия, в которых работал Юрий Валентинович и его коллеги, чтобы еще больше оценить его вклад в майянистику. Те из нас, кто наслаждается сегодня такими привилегиями, как свободный визит в любую страну мира, беспрепятственный выезд на зарубежные конференции и в институты, доступ к компьютерам и копировальным машинам (ибо современную работу с иероглифами невозможно представить без ксероксов, которые практически отсутствовали в СССР), должны быть бесконечно благодарны небесам.

Без сомнения, Юрий Валентинович был привычен к трудностям: его первая статья о дешифровке письменности майя появилась за год до смерти Сталина, а значительная часть исследований пришлось на мрачную эпоху холодной войны и годы застоя при Леониде Ильиче Брежневе. И потому для меня работа Кнорозова знаменует триумф человеческого духа: упорный и целеустремленный одиночка-ученый смог исключительно силой своего ума проникнуть во внутренний мир чужого народа, который жил тысячу лет назад, да еще в джунглях на другой стороне земного шара.

Для древних майя письменность имела божественное происхождение: это был дар Ицаннаха, великого бога-творца, которого жители Юкатана накануне испанского завоевания считали

¹ Речь идет о мятеже на британском корабле «Баунти» в 1789 году (*здесь и далее примеч. ред.*).

Разгадка кода майя

первым жрецом. Каждый год в месяц Уо — в такой же месяц мы оказались на Университетской набережной Невы — жрецы поклонялись ему, вынося драгоценные книги и раскладывая их на свежих ветвях в доме местного правителя. Священная смола *ном* воскурялась для бога, и деревянные дощечки, служившие обложками книг, омывались голубой краской майя и девственной водой. Давайте же на время покинем Неву, град Петров и гения, который помог всему человечеству раскрыть секрет этих книг и дара Ицмнаха. Прежде чем Великий Цикл майя завершит свой неумолимый бег, пришло время узнать, как эти древние письмена были прочитаны через века нашими современниками — простыми смертными.